

Изгнанные врагом из родного Дона
Пустились мы в путь, невѣдомый и долгій.
И только искусством Тешкина нойона
Мы преодолѣли поход этот тяжкій.

Но усилія и искусства вождей напрасны —
Настало время с Родиной разстаться.
И в минуту отчаянія, в час расплаты
Русскіе начали от нас отдѣляться.

Слезами обливаясь, в ущельѣ горном
Собратьев своих врагам оставили.
При этом рааставаніи мучительном, грустном
Грудь разрывалась от тоски и боли.

На берегу бушующаго моря безбрежнаго
коней — Крузей своих вѣрных — покинули.
Тяжко лишиться друга неизмѣннаго...
А бѣдные бросаются в воду за нами.

Сине-морскіе пароходы-великаны
По направленію Крыма нас помчали.
Высадились на берег, заполнили вагоны.
А сердце щимит от горя и печали.

Проходили мы по татарской деревнѣ.
На Небѣ торжественно сіяло Солнце.
Да увидит Солнце наше страданіе
И, услышав мольбу нашу, поможет в бѣдѣ.

Сине-гривый сѣрый конь мой —
Подарок татарина — стараго друга.
Да поможет нам Бог Есесильный
Побѣдить грозно-жестокаго врага.

Тешкин нойон — наш вождь молодой —
Соратников своих нынѣ оставил.
Да подумал ли ты об участи нашей,
Переселяясь в свой лучшей мір?

Перевел с калмыцкаго Ш. Б-в.

Хо-Орлек (1630—1644).

Період независимаго существованія Калмыцкаго народа.

Послѣ распада Монгольской Имперіи Чингис-Ханидов в концѣ XIV вѣка западно-монгольскія племена, предки современных калмыков, объединились в одну политическую Унію, которая называлась «Ойратскій Союз».

Союз этот, тѣсно сплоченный и сильный сознанием своей единокровности, играл большую роль в судьбах, как западной Азіи, так и тогдашняго Китая. Племена, входившія в этот Союз, хорошо еще помнили сказочный военно-политическій взлет Монгольскаго народа и вѣковое его господство над большою частью человѣчества; хотя теперь они и стояли перед фактом историческаго распада, но все-же, связанные обаяніем легендарных героев ханов-чингисидов они все еще представляли грозную силу.

В сознаніи этих племен было еще живо воспоминаіе о тѣх временах, когда их Император-полубог в полном сознаніи своей силы и мощи мог писать королю Людовику гордое письмо:

«Именем Бога Вседержителя повелѣваю тебѣ, королю Людовику, быть мнѣ послушным и торжественно объявить чего желаешь: мира или войны? Когда воля небес исполнится и весь мір признает меня своим властителем, тогда воцарится на землѣ блаженное спокойствіе, и счастливые народы увидят, что мы для них сдѣлали! Но если дерзнешь отвергнуть повелѣніе божественное и скажешь, что земля твоя отдаленна, горы неприступны, моря глубоки и нас не боишься, то Всесильный, облегчая трудное и приближая отдаленное, покажет тебѣ, что можем сдѣлать!»

И многія другія, подобныя этому, дерзко-смѣлым обращенія, вытекавшія из глубокой вѣры в свою непобѣдимость и божественную миссію, в свое время на дѣлѣ оправдываемыя соответственными реальными достиженіями, в сознаніи народа ярко хранились, передаваемыя из поколѣнія в поколѣніе в причудливой формѣ исторических легенд.

Подобное представленіе о своем историческом прошлом и частые боевыя усилія на полѣ брани в настоящем — воодушевляли и возбуждали національный пафос калмыков, укрѣпляли дух, закаляли волю и придавали им страшную силу.

Распространяя свою власть и вліяніе на всю Монголію, «Ойратскій Союз» в особенности сдѣлался опасным для Китая, так как он, помимо всего прочаго, преслѣдовал опредѣленную политическую цѣль — вернуть силою оружія Китайскій престол прежней Монгольской династіи. Во исполненіе этой своей цѣли Союз неоднократно дѣлал нападенія на Китай, не раз разбивал его армію, брал в плѣн самого Богдыхана, чѣм заставлял Китай не раз дрожать в трепетном страхѣ.

В концѣ концов в силу различных печальных обсто-

ятельств, главным образом, вслѣдствіе внутренней борьбы из-за центральной власти и роковой для Монгольскаго народа удѣльной системы, введенной Чингис-Ханом, безконечно раздробившей монгольскій народ на отдѣльныя мелкія самостоятельныя единицы, — этот могущественный Союз распался.

Послѣдній ойратскій (калмыцкій) дѣятель, выдающийся борец за монголо-ойратскую независимость Амур-Санан*), послѣ многолѣтней жестокой борьбы с манджуро-китайцами, был побѣжден послѣдними и, убѣжав от преслѣдованія их, забравшись на вершину горы, воскликнул: «Я ухожу сейчас туда, гдѣ правит Бѣлый Царь, но знай Монголія, я еще вернусь и разобью надѣтыя на тебя цѣпи».

Эта его клятва, широко извѣстная среди монголо-ойратскаго народа, вселила послѣднему твердую увѣренность, что Амур-Санан рано или поздно исполнит свое обѣщаніе и придет из Россіи для освобожденія Монголіи от китайскаго господства и что его великій дух перерождается среди сынов Калмыцкаго народа в Россіи и только ждет своего времени.

Так и понынѣ существует в Монголіи глубокая вѣра, что придет ей спасеніе из среды ея кромных братьев-калмыков, ушедших далеко на Запад в Россію, «гдѣ правит Бѣлый Царь».**)

*) 15 сентября 1757 г. заболѣвъ оспою, 21-го умер он в Тобольскѣ; жена его Бетей, дочь умершаго Хуинбайджи Галдан-Церема), скончалась в Петербургѣ при Дворѣ Императрицы Елизаветы, а сын его (Бетей) жил во времена графа Потоцкаго в Варшавѣ. (Майскій — Современная Монголія).

А. И. Васильев — Забайкальскіе Казаки, т. II, стр. 126.

**) Эту вѣру монголо-ойратов использовал один из организаторов переворота в Западной Монголіи в 1910—1912 г. г. по имени Джа-Лама, по рожденію Астраханскій калмык, владѣющій кромѣ монгольскаго, еще китайским, тибетским, санскритским и русским языками, много путешествовавшій по Тибету, Китаю, Индіи и Россіи.

Прибыв в Монголію, он «по секрету» сообщил кому слѣдует, что он является перерожденіем Амур-Санана. Достаточно было одного этого заявленія, как всѣ с энтузіазмом признали в нем спасителя отечества. Ему тогда сравнительно легко удалось изгнать китайцев и стать фактическим правителем в Кобдосском округѣ. Он было замыслил, подражая Петру Великому, великую реформу, но этому его замыслу положил предѣлы арест его русскими казаками и высылка в предѣлы Россіи, гдѣ в гор. Астрахани он жил до 1918 года. Лѣтом 1918 года,

В началѣ XVII вѣка вождь одного из племен, входивших в «Ойратскій Союз», торгоутскій Тайджи Хо-Орлек во главѣ своего племени и частей дербетскаго и хошоутскаго племен, выдѣлился из Союза и двинулся сначала к предѣлам Сибири, оттуда на Урал, а затѣм в 1630—32 г. г., привел своих калмыков на Волгу, расположилъсь кочевьем в степях поволжскаго понижья, в то время весьма слабо заселеннаго.

Занимая огромную «русскую» территорію, калмыки, по словам историка, «ничѣм не смущались», так как территорія эта ко времени прихода их была свободна, а свободной землей по понятію калмыков имѣет право пользоваться каждый человекъ, ибо «земля и вода Божьи».

Этому движенію калмыков русская власть не противодѣйствовала и фактически не могла оказать серьезнаго сопротивленія, так как при многочисленности, подвижности и воинственности калмыков она не имла достаточной силы для оказанія им должнаго отпора, а по существу Русское Правительство к появленію калмыков в предѣлы Россіи отнеслось сочувственно, надѣясь в их лицѣ найти надежных защитников южных границ государства от постоянных набѣгов различных выходцев из глубин Азіи, южных татар и горцев, каковую надежду Правительства калмыки, правда, съ нѣкоторыми перебоями в первое время, вполне оправдали.

Что русская власть питала такой расчет видно из того, что она снарядила Посольство к вождю калмыков, когда они еще впервые появились к верховьям рѣки Оби, Иртыша и современной западной Сибири, предлагая им именем Царя дружбу и свободное занятіе русских земель.

Это же обстоятельство находит себѣ подтвержденіе в политикѣ Русскаго Правительства болѣе поздняго времени, в половинѣ XVIII вѣка серьезно обсуждавшаго вопрос о присоединеніи к Россіи Монголіи и оставшихся в Джунгаріи калмыков.

Начавшійся обсуждаться в 1752 году этот вопрос в 1757—8 годах был близок к положительному разрѣшенію. Русское Правительство в этом присоединеніи видѣло завоеваніе права на свободное плаваніе по Амуру и Сенат писал:

«...если бы кутукта перешел в подданство Россіи, то за ним послѣдовал бы и весь монгольскій народ и дауры вблизи Амура живущіе. А тогда уже само собою отворилось бы и свободное плаваніе судов по Амуру и было бы не нужно просить на это позволенія Китаю...»

А «многочисленный монгольскій народ впредь мог бы быть употребляем для службы на безлюдных Даурских границах...»

В соответствии с этими видами правительства в 1757 году была дана Сибирскому губернатору инструкция:

«если кутукта и шабнары непременно желают перейти в подданство Россіи, то такого случая не слѣдует упускать».

А с другой стороны монголы, страдавшіе от жестокостей манджуро-китайцев и разоряемыя непосильными их поборами, довольно близки были к принятію подданства Россіи.

Но тут, с одной стороны, Русское Правительство, не желая преждевременно окончательно портить отношенія с Китаем, медлило и воздерживалось от рѣшительнаго шага, а с другой стороны — у монголов не было увѣренности, что Русское Правительство их защитит от манджуро-китайцев и боялось как бы оно не выдало их этим послѣдним. А манджуро-китайцы за измѣну могли с монголами раздѣлаться жестоко, как в это же время истребили джунгарцев. И это их сомнѣніе перешло в увѣренность, когда русское правительство по требованію Богдыхана, труп умершаго в Тобольскѣ Амурсана доставило в Кяхту и показало китайцам. Монголы по-

няли, что «даже мертвых перебѣжчиков русскіе отдавали китайцам». Они говорили «так и нас отдадут».

«Слух о выдачѣ тѣла Амурсана китайцам отбил охоту у монголов передаваться Россіи».

И «поднятые в 1752 г. вопросы о присоединеніи Джунгаріи, Монголіи и Амура кончились через 12 лѣтъ полною неудачею. И Джунгаріи, и Монголіи и Амур остались под властью богдыхана». (А. П. Васильев — Забайкальскіе казаки, т. II, стр. 137).

Прибытіем Хо-Орлек-а не закончилось движеніе калмыков в Россію. С 70 годов XVII вѣка, вследствие завоевательных тенденцій, какія стал проявлять Зюнгарскій Правитель Галдан в Западной Монголіи, прикочевки калмыков на Волгу продолжались болѣе или менѣе значительными группами. 1) в 1672 году прибыл Хошоутскій владѣлец Кюндэлэинг-Убуши*) с тремя тысяч подвластных кибиток; 2) в том же году прибыл дербетскій владѣлец Солом-Церен-Тайджи с четырьмя тысяч подвластных кибиток; 3) в 1676 году прибыла с тремя тысяч подвластных кибиток владѣлица Дорджи-Рагтань, сестра Хана-Аюки, вдова, бывшая замужем за хошоутовскаго Очирту-Цецен-Хана; в 1686 году прибыли в Ахтубу т. н. черные калмыки. В 1758 г. прибыл Джунгарскій владѣлец Шерент с 5242 душ обоего пола. (В нѣкоторых документах он называется Зайснгом-Омбо). Васильев — Забайкальскіе казаки, т. II, ст. 132.

В то время по установившемуся древнему обычаю и родовым признакам калмыки дѣлились на много мелких феодальных единиц, в которых нойоны-феодалы пользовались всей полнотою административной и судебной власти. Эти Нойоны каждый в своем родѣ являлись наследственными правителями, из числа которых избирался один, наиболѣе выдающійся, главою всех племен, как національно-политическаго нѣблага, каковым к моменту прихода калмыков в Россію являлся Хо-Орлек.

Взаимоотношенія между простонародьем и нойонами были самыя простыя, патриархальныя. Нойоны являлись естественными защитниками интересов своих родов, предводителями-воинами своего рода и все. Своим формальным, исторической традиціей закрѣпленным правом власти им не приходилось пользоваться, ибо в основѣ их взаимоотношеній с своими поданными лежали не формальныя, а моральныя начала. Личная жизнь нойона мало чѣм отличалась от жизни простолюдина; роскоши, расточительности нойоны не знали; для удовлетворенія личных жизненных потребностей вполне было достаточно его собственное хозяйство, почему его подданные не знали податной тягости. Непринятии из-за земельных вопросов возникнуть не могло, так как в этом отношеніи все пользовались полной свободой пастбища.

Вот это простое, патриархально-обычное отношеніе между нойонами и его подданными давало основаніе, как всем калмыцким племенам в цѣлом, так и отдѣльному калмыку считать себя совершенно свободным, ни от кого независимым и каждый раз при малѣйшей попыткѣ ограниченія этой своеобразной степной свободы они энергично протестовали.

Гораздо позже, когда калмыцкіе нойоны, подражая русским князьям, стали у себя заводить роскошь, вести расточительную жизнь, что естественно ложилось тяжелым бременем на плечи его подвластных, послѣдніе, протестуя против нарушенія древних обычаев, уходили на Дон и другія мѣста.

Хозяйственно-экономическая жизнь калмыков в то время, отчасти и теперь, была чисто скотоводческо-степная. Этот кочевой, степной образ жизни был благословен их гениальным предком Чингис-Ханом, который дал своим потомкам заветъ, чтобы они всегда сохраняли свой кочевой быт и остерегались становиться осѣдыми. Такой взгляд на жизнь исходил из его глубокаго убѣжденія, что только при кочевом образѣ жизни, свободном от измѣннаго расчета, не приемышаго к материальным цѣностям в определенном мѣстѣ, может сохраниться свобода, чуждыя рабской психологіи люди, рыцари духа.

*) Сын Хошоутскаго Нойона Хонгора, родной брат Гюши-Номони-Хана и Байбагае-нойона; отличался необычайной силой; умер в глубокой старости, переналивъ 120 лѣт. (Ш. Болдырев — Калмыцкая Хрестоматія).

возвратившись в Монголію, он образовал хошуи юрт в 300 и 500, организовал вооруженный отряд человекъ в 300 и начал как самостоятельный владѣтельный царь». Заканчивая описаніе его дѣятельности, Майскій в своей книгѣ «Современная Монголія» пишет: «Впрочем, едва ли можно сомнѣваться, что это лишь временный этап в бурной карьерѣ честолюбиваго монаха. Он просто, как кошка, притаился и выжидает удобнаго момента для прыжка. Кто знает, не услышим ли мы скоро опять об этом человекѣ? Кто знает, какую еще роль в исторіи Монголіи ему глждено играть?»

В первое время, естественно, калмыцкие предводители не только не думали о подчинении России, но по-прежнему безпрепятственным занятием такого громадного пространства, еще больше утверждали в свою силу и глубоко были убеждены, что и в дальнейшем они сумеют сохранить свою свободу и полную политическую независимость. Есть намек даже на то, что им не чужда была мысль о восстановлении великого монгольского государства Чингис-Хана. Сознание полной независимости логически определяло и действие калмыков на Юге-России до второй половины XVII века, когда калмыцкий Хан Шукур-Дайчин изъявил покорность России. До этого жизнь калмыков была полна военными походами, покорением малых народов, а равно серьезными стычками и нападениями на пограничные русские города, что являлось той мѣрой защиты своих национальных интересов и ревностного оберегания своей политической независимости, то выражением национального боевого подвига, питавшагося пафосом прошлого.

Сознание своей мощи у калмыков вытекало и из факта национального единства с оставшимися в древней их колыбели — далекой Зюнгари — сородичами ойратами, а через них и со всем Монгольским народом, представлявшими в то время еще внушительную силу. Между всеми этими частями единого Монгольского народа непрерывно существовала оживленная связь.

В 1640 году состоялся Съезд Монгольских вождей в речистѣ Шибегыни-улан-бура, у Тарбагатайских гор. На этот Съезд получил приглашение вождь волжских калмыков Хо-Орлек — так как предметом обсуждения на нем стоял важный вопрос об объединении восточной и западной (ойраты-калмыки) Монголии и о той роли, которую должна была играть при этом отошедшая на Волгу значительная группа торгоутов.

Хо-Орлек поѣхал на этот Съезд (Курултай) с своими сыновьями Шукур-Дайчин-ом и Индын-ом и принимал активное участие в его работѣ. На этом Съезде был выработан обще-монгольский кодекс, известный под названием «Монголо-Ойратские законы 1640 года», служивший основным законом у волжских калмыков очень долго.

Учитывая эту живую связь калмыков с далеким востоком и правильно расценивая, что калмыки, отважные и неутомимые борцы, способные безропотно перенести лишения и невзгоды боевой жизни, фаталисти-

чески равнодушные к опасности и смерти, — могут быть хорошими защитниками русских государственных границ от набѣгов различных степных выходцев, — Русское Правительство не обращало внимания на своеобразные выходки Хо-Орлек-а.

Послѣ возвращения на Обще-Монгольский Съезд 1640 года Хо-Орлек не прекратил своих набѣгов на русские села, города. В 1644 году Хо-Орлек осаждал город Астрахань, умер под его стѣнами.

Некоторые историки поведение калмыков за это время, в частности и это нападение Хо-Орлек-а на Астрахань, квалифицируют как «вѣроломное» по отношению к русским.

Необходимо устранить это недоразумѣние. О вѣроломствѣ Хо-Орлек-а не может быть рѣчи, ибо он никогда не давал Русскому Правительству слова о своем подчинении ему, а равно не было заключено между ним и Русским Правительством какого-либо договора, предусматривающаго форму взаимоотношений. Хо-Орлек являлся главою сильного суверенного народа и поступал и действовал так, как подсказывали ему интересы его родного народа, как он понимал интересы своей нации.

Вообще, могли ли калмыки, утвердившие в своей силѣ, много раз убеждавшиеся в этом на дѣлѣ, на опытѣ испытавшие, что на всем протяжении средней Азии почти не было им серьезнаго соперника, живо помнившие яркое величье своего исторического прошлого — придти с поклоном к Русскому Царю, ничѣм еще калмыкам не доказавшему свою мощь? А вѣдь тогда калмыки (одни ли калмыки?) признавали только силу, а не право!

Нападение же Хо-Орлек-а на Астрахань было предпринято по просьбѣ русских же людей, обиженных Москвою. Вот что говорит новѣйшій калмыцкій историк по поводу этого нападения — «оно произошло под воздействием донских казаков, возмущенных рѣшением Московскаго Правительства относительно Азова и шмыгавших свою досаду нападениями на приволжские города: казаки прислали к Хо-Орлек-у подарки и просили оказать им помощь в расправѣ с воеводами. Хо-Орлек пошел на Астрахань и сложил под ее стѣнами свою голову». (Проф. Н. Пальмов — Этюды по исторіи приволжских калмыков, стр. 9, 1926 г.).

Шукур-Дайчин (1644—1667).

Період независимаго (до 1665 г.) и формально зависимаго, но фактически самостоятельнаго существованія Калмыцкаго народа (послѣ 1665 г.).

Послѣ смерти Хо-Орлек-а в 1644 году ему наследовал сын его Шукур-Дайчин*), который и при отцѣ во всем принимал активное участие в дѣлах правления народом. И у него также не было никакого желанія признавать над собою суверенитет России и, воплотив естественно, он продолжал политику своего отца, т. е. политику главы самостоятельнаго народа. Но он увидѣл слабость своего положенія, как главы народа, и всю трудность продолженія при создавшихся к тому времени условіях, политику своего покойнаго отца.

Перед ним была большая, сильная Россия, проникнутая желаніем подчинить себѣ Калмыцкій народ, с одной стороны, а с другой — положеніе его самого, как главы всего Калмыцкаго народа, не было достаточно твердо; отдельные владѣльцы-войоны, по своим родовым достоинствам почитавшіе самих себя не ниже Шукур-Дайчин-а и не чуждые мысли объединить Калмыцкій народ под своей личной властью, могли повести свою самостоятельную политику и, в нужные для отпора приглазаніям русской власти моменты, могли не поддерживать своего главу.

Для Шукур-Дайчин-а было ясно, что раздробленіе

калмыков на мелкія группы поведет к их политической гибели и единственное спасеніе национальной независимости видѣл в укрѣпленіи и поднятіи престижа центральной калмыцкой власти. И только такая централизованная сильная власть могла обезоружить отдельных своеобразных калмыцких войонов и только при этих условіях — при единодушной поддержкѣ и безпрекословном подчиненіи всех калмыцких войонов, слѣдовательно, всего Калмыцкаго народа — еще мыслима была успешная защита и отстаиваніе политической независимости Калмыцкаго народа. А в желаніи защитить свою независимость, как в народѣ в цѣлом, так и у отдельнаго калмыка недостатка не было, ибо все вмѣстѣ и каждая в отдельности на всем протяжении своей исторіи понятными и доступными им средствами и способами защищали ее.

Все несчастье заключалось в своеобразном пониманіи калмыками этой независимости и в недостаточной осознанности идеи политическаго единства. Недалековидные, своеобразные войоны, всецѣло поглощены были обереганіем свой личной независимости, феодальных прерогатив, а простая народная масса в силу своей темноты не понимая новых условій жизни, новую сложную политическую обстановку.

Непререкаемый авторитет, силу могла имѣть только такая центральная власть, которая имѣла бы опору у самых корней Калмыцкаго народа — в Зюнгари и санкционированная высшей духовной главой ламаистскаго (Зонкавитскаго) міра — Далай-Ламой в Тибетѣ. Этот путь и выбирает Шукур-Дайчин для укрѣпленія своего положенія, как главы всего Калмыцкаго народа. Такое

*) В «Этюдах по исторіи приволжских калмыков», проф. Пальмов говорит, что Шукур-Дайчин был женат на дочери Зюнгарскаго Правителя Батур-Хун-Тайджи. Не ошибка ли это? П. ч. сын Шукур-Дайчин-а — Шундук был женат на дочери Батур-Хун-Тайджи, от каковаго брака родился знаменитый калмыцкій хан Аюка. Трудно допустить, чтобы отец и сын были женаты на родных сестрах.